

Харитонов В.Г. Чебоксары

Крестьянский двор Чувашии в XX веке: некоторые аспекты изучения.

В изучении истории крестьянства и сельского хозяйства, как и в целом отечественной истории XX века, наметились и уже начали реализовываться изменения в приоритетах рассматриваемых проблем. Больше внимания стали уделять переломным этапам истории деревни, мало разработанным темам. Среди последних можно и нужно выделить историю крестьянского двора, его взаимоотношений с общественным хозяйством.

Современная экономическая политика предусматривает развитие крестьянского хозяйства, определенные условия создаются для развития личного хозяйства сельского населения. Налицо успехи, достигнутые в укреплении личного подворья в Чувашской Республике. В связи с этим потребность в изучении крестьянского личного хозяйства Чувашии в начале XX века и в условиях колхозного строя, в выявлении закономерностей его эволюции, определении роли в производстве сельскохозяйственной продукции, сохранении чувашского крестьянства, традиционной народной культуры, языка, национального самосознания возрастает. Проведение подобного исследования важно и в том плане, что сельское хозяйство крестьянство Чувашии являлись и являются определяющим фактором развития республики.

Сельские жители, составлявшие вплоть до середины 80-х годов, большинство населения Чувашии, отличались не только устойчивым национальным составом (чуваши составляли около 80%), но и малой подвижностью. Отток сельского населения в города и за пределы республики был слабым. Например, в 70-е годы он шел в 3 раза медленнее, чем по Нечерноземью в целом. По данным переписи 1989 года сельское население в Чувашии составляло 42,1%, в Российской Федерации – соответственно 26,4%, по Нечерноземной зоне – 19,6%, в целом по Волго-Вятскому региону – 31,1%¹. Одновременно Чувашия оставалась одной из густонаселенных республик, в связи с этим важнейшей особенностью являлось и является малоземелье чувашского крестьянина. Положение о том, что «общества, сохранившие свое крестьянство (или способные в новых условиях реанимировать некоторые важнейшие ценности его духовного мира) обладают дополнительным потенциалом здоровья и развития» также отражает актуальность и необходимость поставленной исследовательской задачи и ее реализации.

В историографическом плане проблема только начала разрабатываться, но уже и есть некоторые результаты. Необходимо отметить работы М.А.Безнина,

Л.Н.Денисовой, М.Н.Денисевича, В.П.Мотревича, О.М.Вербицкой, Н.С.Иванова, В.П.Попова, М.Ю.Свириной, материалы теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», И.Е.Зеленина, В.П.Данилова, Е.Ю.Зубковой, Р.В.Михайловой².

Проблема социально-философского исследования духовности крестьянства, дискуссии о семейных фермах и крупных хозяйствах, «моральная экономика хозяйств, крестьянства» и др. проблемы наибольшее место нашли в зарубежной историографии³.

Национальные аспекты развития народов Поволжья отражены в работах А.Каппелера⁴. В целом по вышеназванной теме исследования в рамках региона, и в частности по Чувашской Республике только предпринимаются⁵.

Постановка подобной проблемы предполагает всестороннее и объективное изучение на основе анализа широкого круга опубликованных и архивных источников, впервые вводимых в научный оборот, проблем эволюции крестьянского двора Чувашии в XX веке, выявлении общего и особенного, тенденций и перспектив его дальнейшего развития в изменяющихся условиях.

Исходя из актуальности и изученности темы, наличия источников, используя методы и методологию исторических исследований, достижения информационных технологий, на наш взгляд необходимо решить ряд исследовательских задач: историография и источники по истории крестьянского хозяйства; политика по отношению к хозяйствам крестьянского двора, социальное и правовое положение; динамика сельского населения, крестьянская семья, проблемы миграции, система расселения; землепользование крестьянского двора, доходность и товарность, рыночная торговля, значимость личных хозяйств в производстве сельскохозяйственной продукции; семейный бюджет материальное положение и культура, быт; взаимоотношения крестьянского двора и общественных хозяйств; общественно-политическая жизнь: участие и отношение, социокультурные аспекты; духовный мир крестьянства, традиции и изменения; раскрестьянивание: проблемы, степень, ход, особенности.

Степень разработанности этого комплекса вопросов неоднозначна, некоторые из них требуют тщательного анализа с привлечением широкого круга источников, другие – переосмысления. Проблема источникового обеспечения – одна из сложных при разработке темы. Личное хозяйство крестьян нашло слабое отражение в опубликованной статистической литературе. Материалы периодической печати не всегда объективно отражали происходившие на селе процессы. Учитывая это положение, возрастает

необходимость более широкого использования архивных документов, в том числе таких малоисследованных как статистика торговли на рынках, материалов крестьянских бюджетных обследований, данных земельных балансов и др.

Исследователи данной темы пришли к выводу, что несмотря на создание колхозно-совхозной системы, параллельно ей функционировало не менее значимое в социально-экономическом плане приусадебное хозяйство крестьян-колхозников, по некоторым характеристикам успешно конкурировавшее с общественной системой⁶.

Проведенный нами анализ состояния крестьянского хозяйства Чувашии в 1946-1958 годах показывает, что оно занимало значительное место в аграрной системе.

В послевоенные годы произошли изменения в численности и составе крестьянства. В Чувашии, в отличие от страны в целом, трудовые ресурсы колхозов, резко сократившиеся в годы войны, к концу четвертой пятилетки были восстановлены. В 1950 году численность населения колхозов составила 701,3 тыс. человек, по сравнению с 1940 г. увеличилась на 24,9 тыс., по сравнению с 1945 г. – на 71,0 тыс.⁷

Однако в начале 50-х годов (1950-1953 гг.) численность населения начинает сокращаться, что было вызвано оттоком сельского населения на работу в промышленность, строительство и транспорт, главным образом из-за низкой оплаты труда и тяжелых условий жизни на селе. Но все же республика сохранила основные трудовые ресурсы на селе. К концу 1958 г. все наличное население колхозов составляло 678,9 тыс. человек, больше чем в 1940 и 1945 г.⁸ При этом надо учесть, что в Чувашской АССР, в отличие от других регионов и от данных по РСФСР в целом, численность колхозного населения увеличилась: в 1958 г. по сравнению с 1940 г. на 0,3%, по сравнению с 1945 г. – на 7,7%. По данным переписи 1959 г. сельское население составило в республике 75,6% всего населения, в РСФСР – 48,0%, в Волго-Вятском регионе – 61,0%⁹. Если в структуре сельского населения страны не существовало абсолютного перевеса какой – либо общественной группы, то в Чувашии семьи колхозников составляли около 82,0% всего наличного населения села¹⁰. За эти годы в Чувашии численность трудоспособного населения колхозов увеличилась с 268,0 тыс. человек в 1946 г. до 314,3 тыс. человек в 1958 г. Однако довоенный уровень численности трудоспособного населения – 329 тыс. – не был достигнут¹¹.

Рост численности колхозного населения вело к увеличению численности крестьянских дворов в Чувашии. По годам он распределялся следующим образом: в 1940 г. – 166,2 тыс. дворов, в 1950 г. – 176,7 тыс., в 1953 г. – 176,6 тыс., в 1958 г. – 180,8 тыс.¹² Одновременно наблюдается увеличение числа членов колхозной семьи.

Население крестьянского двора в Чувашии (в расчета на 100 дворов)¹³

	1953	1959
1. Наличных членов колхозов и их детей	378	380
2. Трудоспособных мужчин (от 16 до 60 лет)	55	64
3. Трудоспособных женщин (от 16 до 55 лет)	113	107
4. Престарелых мужчин (от 60 лет) и женщин (от 55 лет)	40	42
5. Подростков (от 12 до 16 лет)	46	24
6. Детей (до 12 лет)	109	126
7. Нетрудоспособных мужчин (от 16 до 60 лет) и женщин (от 16 до 55 лет)	15	17

Резкое сокращение числа подростков от 12 до 16 лет объясняется снижением уровня рождаемости в годы Великой Отечественной войны, поступлением части молодежи в учебные заведения. В условиях тяжелого экономического состояния сельского хозяйства, в этот период неизменным условием, трагичной функцией крестьянского двора постепенно становится выталкивание подрастающих детей из крестьянского состояния, что наиболее четко проявилось в 60-70-е годы.

В послевоенные годы изменилось положение сел и деревень республики. Оно выразилось в том, что начались укрупнения сельских населенных пунктов, слияния и переселения некоторых из них на центральные усадьбы колхозов и совхозов, что способствовало появлению так называемых «неперспективных» деревень. Основное укрупнение и переселение в Чувашии произошло в 1963-1964 гг. Если в послевоенные годы (1946-1980) из списка населенных пунктов было исключено всего 239 деревень (12% общего числа), то в 1963-1964 гг. был решен вопрос об исключении из списка 123 из них: 113 – слились с другими селениями, 10 – прекратили существование по различным причинам. А в 1946-1949 гг. был изменен статус 33 селений: 3 – ликвидированы; 2 – переименованы; 17 – слились с другими селениями; 10 – переселены; 1 – не упоминается после 1949 г. За 1950-1959 гг. произошли следующие перемены: 3 населенных пункта были переименованы; 14 – слились с другими селениями; из них 5 – слились с городами; 3 – переселены; 9 – не упоминаются в списке. Это следующие населенные пункты: Бугровский, Гартовский лесозаводы, Канашский лесхоз, Княжий Яр – пристань, Кожедеиха – пристань,

Паршалский лесозавод, Шихранское лесничество, в связи с прекращением производственной деятельности прекратили свое существование и данные селения¹⁴.

Все это способствовало уходу населения из сел и деревень республики, что привело к обезлюдению некоторых населенных пунктов, оттоку из них наиболее трудоспособной части, особенно молодежи.

Система землепользования в республике в целом повторяла ситуацию в стране: колхозы являлись пользователями 91,7% от всей площади посевов в 1950 г. и 92,8% - в 1958 г., совхозы в исследуемый период имели незначительный удельный вес, сократившийся с 1,6 до 1,4%, в личном пользовании граждан находилось в 1950 г. – 6,5% угодий, в 1958 г. – 5,8%; в единоличном пользовании находилось в 1950 г. – 0,2% площади, в 1958 г. – 0,0%¹⁵.

Колхозники стремились сохранить приусадебное хозяйство, поскольку в послевоенные годы оно являлось самой выгодной сферой их деятельности. Однако в аграрной политике в 50-е годы наблюдается двойное отношение к личному хозяйству крестьян. С одной стороны, это совершенствование налоговой политики в отношении личного хозяйства, с другой стороны, ориентировка на сокращение размеров землепользования, свертывание хозяйства колхозников в пользу общественных хозяйств.

В размерах приусадебного землепользования крестьянского двора в Чувашии в 50-е годы также произошли изменения.

Землепользование колхозников Чувашской АССР за 1950-1958 гг.

(по данным земельных балансов на 1 ноября)¹⁶

Наименование	1950 г.	1953 г.	1958 г.
Всего приусадебной земли (тыс. га)	59,2	58,1	57,7
В т.ч. сельхозугодий	51,8	51,1	51,0
Из них			
Пашни	43,0	41,4	43,8
Сенокосов	5,4	6,5	5,4
Приусадебной земли в среднем на хозяйство (соток)	33,5	33,1	33,1

В Чувашской АССР размеры крестьянского земельного участка в основном сохранились на одном уровне, хотя наблюдается небольшое его сокращение. Наиболее заметным оно было с ноября 1955 г. по ноябрь 1956 г. – с 33,1 до 32,7 в расчете в среднем на один колхозный двор. Необходимо отметить, что по сравнению с другими регионами Нечерноземья, по Нечерноземью в целом положение в Чувашии было более благополучным. Так,

по Нечерноземью в целом размер приусадебной земли в среднем на один двор сократился с 34,4 соток в 1950 г. до 31,9 соток в 1958 г.¹⁷

Произошли заметные изменения в структуре посевных площадей: сократились площади и удельный вес зерновых культур - с 0,5% к общей посевной площади зерновых культур в 1950 г. до 0,2% в 1959 г., колхозники стали удовлетворять потребности в зерновых культурах за счет общественных хозяйств. Одновременно выросли площади и удельный вес картофеля и овощей, кормовых культур, сократились площади и удельный вес технических культур в личных хозяйствах колхозников¹⁸.

Сложнее обстояло дело с развитием животноводства в личной собственности колхозников. В начале 50-х годов (1950-1953) наблюдается сокращение поголовья скота в хозяйствах колхозников. На 1 ноября 1953 г. в республике не имели крупного рогатого скота 40,6% хозяйств, вместо 26,1% в 1950 г. и 25,1% в 1946 г.; коров соответственно 51,9%, вместо 45,2% и 44,0%; без всякого скота – 9,1%, вместо 8,5%. Это можно объяснить недооценкой личного хозяйства крестьянина, слабой обеспеченностью скота кормами, исчислением крупного сельскохозяйственного налога и заданием на обязательную поставку государству продуктов животноводства с хозяйств по низким закупочным ценам. Так, данные извлеченные из архивов показывают, что к поставкам животноводческой продукции (до 1954 г.) привлекались хозяйства колхозников, которые не имели скота в личной собственности. В фондах Совета Министров Чувашской АССР нередко встречаются документы о ходатайстве различных райисполкомов об освобождении хозяйств колхозников, пострадавших от пожаров, от обязательных поставок животноводческих и сельскохозяйственных продуктов государству на определенные сроки¹⁹.

После 1953 г. хозяйствам колхозников были представлены определенные льготы в области животноводства. Начиная с 1954 г. в личных хозяйствах наблюдается рост поголовья скота, кроме лошадей и коз. По данным на 1 января 1958 г. не имели крупного рогатого скота 28,0% хозяйств колхозников, коров - 42,7%, без всякого скота – 6,4%²⁰. Продуктивность скота в личных приусадебных хозяйствах имела колебания по годам, в зависимости от множества причин, самой главной из которых была слабая обеспеченность скота кормами.

Однако в конце 50-х годов стала проявляться тенденция к ограничению личного приусадебного хозяйства. Эта идея прослеживается в ряде правительственных документов о развитии сельского хозяйства страны, в

выступлениях руководителей, начала пропагандироваться в периодической печати.

Первыми в Чувашии решили отказаться от содержания скота в своих хозяйствах колхозники сельскохозяйственной артели «Гвардеец» Батыревского района²¹. В начале 60-х годов этот почин распространился и в некоторых других хозяйствах, в основном экономически крепких. В дальнейшем эта политика отрицательно сказалась как на материальном положении крестьянства, так и на сельскохозяйственном производстве в целом.

Таким образом, даже краткий обзор состояния крестьянского двора в Чувашии в послевоенные годы, показывает, что крестьянское, личное хозяйство занимало значительное место в аграрной системе. Оно удовлетворяло потребности колхозной семьи в картофеле, овощах, продукции животноводства. По колхозам РСФСР доход от него в совокупном доходе колхозного двора в 1958 г. составил 42,0%, от общественного хозяйства – 41,3%, остальная часть поступала из других источников²². Часть продукции шла на продажу на колхозных рынках. Доля хозяйств населения в совокупном аграрном производстве была очень значительной. Доля валовой продукции хозяйств колхозников, рабочих, служащих в производстве сельскохозяйственной продукции составила в Чувашии в 1950 г. – 53,0%, доля продукции животноводства равнялась 73,0% производства всех категорий хозяйств (в стоимостном выражении)²³.

В дальнейшем с ростом общественного сельскохозяйственного производства и усилении ограничительной политики в области приусадебного хозяйства доля производства личных хозяйств сокращается.

Литература

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С.25; Численность населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990. С.11-25; Харитонов В.Г. Колхозное крестьянство Чувашской АССР в 1946-1958 годах: численность, состав, трудовое участие //Исследования по аграрной истории Чувашии. Сб. ст. ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С.36-56.

² Безнин М.А. Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье. 1950-1965 гг. Вологда, 1989; его же. Крестьянский двор Российского Нечерноземья в 1950-1965 годах //Отечественная история. 1992. № 3; Денисевич М.Н. Индивидуальное хозяйство на Урале (1930-1985 гг.).

Екатеринбург, 1991; Мотревич В.П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941-1950 гг.). Екатеринбург, 1993; Вербицкая О.М. Российское крестьянство: От Сталина к Хрущеву: Середина 40-х – нач. 60-х гг. М., 1992; Иванов Н.С. Колхозное крестьянство центральных областей Нечерноземной зоны РСФСР в 1951-1958 гг. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1983; Попов В.П. Крестьянство и государство (1945-1953). Париж, 1992; Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар //Отечественная история, 1998, № 1; Зеленин И.Е. Крестьянство и власть в СССР после «революции сверху» //Вопросы истории, 1996, № 7; его же. Аграрная политика Н.С.Хрущева и сельское хозяйство страны //Отечественная история, 2000, № 1; Шмелев Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М., 2000; Свирина М.Ю. Общественное настроение колхозного крестьянства в 1933 – начале 1941 г. М., 1993; Михайлова Р.М. Духовность крестьянства России. XX век. Чебоксары, 1997.

³ И.Воглер. Миф о семейной ферме: господство агробизнеса в сельском хозяйстве Соединенных Штатов //Отечественная история, 1989, № 1; Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Сост.: Т.Шанин. М., 1992; Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): материалы международной конференции. М., 1996.

⁴ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад /Пер. с нем. М., 2000.

⁵ Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Сб. научн. статей. Новосибирск, 1999; Александрова Л.А., Киреева Н.А., Кирсанов В.В. и др. Региональные проблемы аграрной реформы в России. Саратов, 1999; Сухин В.И. Личное хозяйство колхозников Марийской АССР в послевоенные годы //История и культура марийского народа: Прошлое и настоящее. Йошкар-Ола, 2000; Павлов Н.П. Крестьянство Удмуртии. 1946-1970. Историко-социологические очерки. Ижевск, 1975.

⁶ Безнин М.А. Указ. соч.

⁷ ЦГА ЧР, ф.197, оп.44, д.10, 21.

⁸ НА ЧГИГН, отд. VII, ед.хр.46, инв.83.

⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С.25.

¹⁰ Сидоров П.А. Население Чувашии за сорок лет социалистической автономии. Чебоксары, 19 . С.45.

¹¹ Чувашия за 50 лет: Статистический сборник. Чебоксары, 1970. С.30.

¹² Чувашия за 40 лет в цифрах: Статистический сборник. Чебоксары, 1960. С.102.

¹³ Безнин М.А. Колхозное население в Российском Нечерноземье в 1950-1965 гг. Вологда, 1990. С.15-22.

¹⁴ Подсчитано: Населенные пункты Чувашской АССР. 1917-1981 годы: Справочник об административно-территориальном делении. Чебоксары, 1981. С.114-290.

¹⁵ Чувашия за 40 лет в цифрах. С.65-66.

¹⁶ ЦГА ЧР, ф.210, оп.26, д.1120, л.13, 16, 27; ф.872, оп.20, д.520, л.2, 3, 3 об, 4 об, 10 об, 11 об; д. 576, л.1.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Чувашия за 40 лет в цифрах. С.63-66; ЦГА ЧР, ф.872, оп.20, д.663, л.51.

¹⁹ ЦГА ЧР, ф.872, оп.20, д.609, л.2, 3; ф.1041, оп.2, д.294, л.73.

²⁰ Народное хозяйство Чувашской АССР за 1957 год: Статистический справочник. Чебоксары, 1958. С.172-173.

²¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. 2-е изд. М., 1985. Т.9. С.94, 96, 287; Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т.2. С.498, 525-527; Советская Чувашия. 1958. 12 декабря.

²² Островский В.К. Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967. С.85.

²³ Рассчитано по: Безнин М.А. Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье. 1950-1965 гг. (Методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества). Вологда, 1983. Табл. 46.

Харитонов В.Г. Общинное и индивидуальное сознание в культуре 1920-х годов.

1920 – ые годы – чрезвычайно сложный и вместе с тем интереснейший период отечественной истории. Социально-политические силы, пришедшие к власти в октябре 1917 года, поставили перед собой цель- совершить прыжок из раннеиндустриального (и даже доиндустриального, по оценкам ряда исследователей) аграрного общества сразу в высокоразвитую постбуржуазную индустриальную цивилизацию. Для большинства аграрных этносов страны с их социальной структурой и адекватной ей системой духовной жизни это был переход через несколько больших исторических эпох общественного развития. Для выполнения намеченного прежде всего необходимо было развить инфраструктуру новой культуры, и главное отразить новое положение народа в содержании его национальной культуры. Поэтому первые 15 лет можно охарактеризовать как этап строительства культурной инфраструктуры, в том числе национальной, что наиболее ярко прослеживается в 20-е годы. К началу культурных преобразований 83% населения России еще проживало в сельской местности, но по-мнению исследователя А.Грациози «деревня накопила огромную энергию, заключенную в традиционную, пирамидальную демографическую структуру Империи с ее миллионами молодых людей преимущественно крестьянского происхождения» (1). В чувашской деревне проживало в начале 20-х годов свыше 95% населения области, для нее была характерна высокая плотность населения (57 чел. На кв. версту), очень низкая земельная обеспеченность (свыше 65% крестьянских хозяйств имели посеы не более 2,3 дес. земли), натурально-потребительский характер производства. Основной формой установленного обычая пользования землей выступало общинное землепользование. К середине 20-ых годов по области насчитывалось 738 общин на 1801 населенный пункт(2). К этим показателям надо добавить свойственные крестьянству черты патриархальности, приверженности традиций в производстве и быту, известную узость его интересов. В значительной степени эти черты определялись его двойственной социально-экономической природой. Крестьянство приняло активное участие в октябрьской революции, но большинство из них участвовало в ней во имя восстановления попоранных ускоренной модернизацией конца 19 и начала 20 вв. традиционных устоев народной жизни. И в новых условиях крестьянство попыталось соединить традиционные модели поведения с новыми, осуществить переход от общинного к индивидуальному на основе традиционных

социальных институтов. Готово ли было общество, как мы подчеркнули в основном крестьянское, выполнить задачи строительства новой культуры. Попытаемся дать ответ на этот вопрос. После 1908 г. и особенно в 20-е годы грамотность крестьянства стала сильно повышаться, наметился переход от устной культуры к письменной. Это имело принципиальное значение, поскольку механизм передачи и преобразования накопленного и нового знания в существенной, если не решающей степени обуславливает своеобразие культуры, возможность и темпы ее трансформации (3). Устная передача, в лучшем случае предусматривала медленную эволюцию устоявшихся знаний и представлений. Книга и печать делали крестьянский мир открытым влиянию города, готовили крестьян к переходу от традиционной к индустриальной культуре. Учитывали это положение и структуры новой власти. В 20-е годы грамотность населения Чувашии значительно возросла. По материалам переписи 1920 г., в возрасте от 8 лет она составила в целом 28,3% ; по данным учета, проведенного осенью 1929 г. (в процентах к числу сельского населения в возрасте от 18 до 50 лет), была 41,3%. В эти годы происходит создание основных атрибутов советской культуры – культурно-просветительских учреждений, советской прессы, книгоиздательского дела, системы просвещения. Данные показатели известны многим, автору хотелось бы акцентировать свое внимание и внимание участников конференции на следующем моменте. Какие изменения произошли в сознании и культуре крестьянства в эти годы, какое участие они приняли в строительстве новой культуры. Проследим это на следующем примере: 20-е годы – это период расцвета национальной печати. Произошел не только количественный, но и качественный ее рост. С сентября 1921 г. издание областной газеты «Канаш» было перенесено из Казани в Чебоксары, «Трудовая газета» была преобразована в республиканскую, с 1925 г. стала издаваться молодежная газета «Молодой крестьянин». Появилась журнальная литература. Но важнейшим показателем можно считать развитие рабселькорского движения. На страницах газеты «Канаш» была заведена постоянная рубрика «Из сегодняшних писем», регулярной стала «Страница корреспондента». В середине 20-х годов в рядах рабселькоров газеты «Канаш» насчитывалось более 350 авторов. К началу 1928 года в республике насчитывалось более 250 кружков рабселькоров и юнкоров(4). Реквизиции 1928 года вызвали волну крестьянского протеста, по этому поводу новобранцы из села в армии стали получать огромное количество писем из дома с жалобами. Только солдаты Новочеркасского гарнизона получали тысячи писем в день. В эпистолярном

наследии деревни удачно сочетается информативное знание о крестьянской культуре и эмоциональная оценка времени самими носителями этой культуры. И.Д.Сытин, крупнейший издатель этого времени, назвал это явление «читательским эмбрионом», заметив, что у деревенского человека, только что научившегося грамоте, не было предела любознательности. К тому же традиция письменного общения с властью весьма активно поддерживалась «сверху»(5). В этих письмах нашло отражение общее умонастроение крестьянства, на котором сказалось условие коренного перелома в жизни общества в качестве определяющей черты сознания крестьянства. Сказалось на общем восприятии ситуации, складывающейся в деревне и то, что общинное в массе своей российское, в том числе и чувашское крестьянство, на короткое время почувствовали себя хозяином на собственной земле. Письма, приходившие в редакции газет можно разделить на две группы. Первая группа в форме приговоров-коллективных прошений крестьян, предлагавших программу конкретных требований и реальных мер по улучшению положения крестьян – получила дальнейшее распространение. Однако, существенной чертой, отразившей дух времени стала индивидуальная инициатива. Письма 20-х годов – это по преимуществу корреспонденция от отдельных авторов. Крестьянские письма затрагивают широкий круг тем, раскрывающих социальный мир деревни. В них также нашло широкое отражение противостояние общинного и индивидуального сознания, его трансформации. По мнению авторов сборника «Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах», «расслоение сознания членов крестьянского сообщества, диффузия мнений крестьянских авторов о происходящем в целом в стране или в своем селе является косвенным свидетельством расслоения прежнего общинного сознания»(6). В конце 20-х годов в крестьянских газетах развернулась дискуссия об общине. Высказывания были и «за» и «против». Приведем некоторые из них: «... что не община враг культурного хозяйства, а отсутствие самостоятельности; ничего подобного, я вам докажу, что в общине нет ни одного самостоятельного человека. В общине все лентяи, а в общину записываются те, кто работать не хочет». «По- моему община по внутреннему своему составу далеко неодинакова, а именно, в смысле культурного уровня данного населения и наличия активистов, подтаскивающих общину к самостоятельности». «Я считаю, что только в общинном землепользовании мы можем выйти из нищеты и темноты»(7). Развертыванию дискуссии способствовала и социально – экономическая ситуация, сложившаяся в деревне. По данным Б.Н.Миронова, из сельской общины вышло к 1917 году до

30% крестьян. Развитие крестьянских хозяйств в годы нэпа также шло по этому пути, чувашское крестьянство, опираясь на материальную заинтересованность, реально восстанавливало свое хозяйство(8). Объективной основой противостояния общинного и индивидуального сознания крестьянства явились экономически окрепшие, высокоинтенсивные хозяйства, переросшие «общинную оболочку»(9). Данный процесс, видимо, был спровоцирован и усилением общины, активизацией ее земельно-распределительной деятельности в первые годы после революции. Стремление обособиться в какой то мере стало ответной реакцией крестьянства на возросшее влияние «мира» в сфере землепользования. Крестьянин, почувствовавший хоть и на короткое время себя хозяином на собственной земле, не хотел мириться с любым вторжением, сильным влиянием. Исследования первой опытной станции по народному образованию особенностей формирования личности ребенка в деревенской среде, проведенные осенью 1926 года, зафиксировали происходящие изменения в сознании общества. Работы педагогов показали, что сознательное отношение большинства крестьянских детей к труду переплеталось с желанием выйти за рамки обыденности и регламентирования деревенской жизни, свою связь в будущем с сельскохозяйственным трудом они принимали с оговоркой «хочу быть культурным хозяином»(10). Двойственность ситуации была вызвана и тем, что жизнедеятельность общины основывалась также на генезисе коллективизма. Труд и отдых в общине носили не индивидуальный, а коллективный характер: общинный строй диктовал каждому крестьянину определенный темп и ритм сельскохозяйственных работ. Основные принципы общинной жизни: коллективная форма собственности; право на труд; право на отдых; на социальную помощь; демократический централизм; коллективная ответственность; право на участие в общественных делах; равенство, отсутствие существенной материальной и социальной дифференциации; регламентация всей жизни; тождественность прав и обязанностей вновь были провозглашены государством основополагающими в развитии общественных отношений в связи с курсом на коллективизацию. Дальнейшие исторические события подтверждают, что жизнь при советской власти как в городе, так и на селе стала строиться во многих отношениях на общинных формах. К концу 20-х годов индивидуализм, буржуазия, частная собственность стали понятиями отрицательными. Все эти моменты нашли отражение в культуре рассматриваемого периода. Противостояние общинного и индивидуального в реальной ситуации было очень жестоким. Эти процессы нашли отражение во многих художественных произведениях, посвященных

преобразованиям в жизни чувашской деревни. Оценивая творчество Е.Еллиева, исследователи Ю.Яковлев и Ю.Артъемьев подчеркивают стремление автора раскрыть психологию крестьянина, вынужденного перестраивать свое традиционное мировоззрение, духовный облик(11). В целом многие авторы в финале своих произведений приводят героев к ситуации, когда общинное побеждает индивидуальное. Тех же, кто попытался по другому раскрыть происходящие в обществе процессы, обвинили в «пессимизме», индивидуализме, «эссенцине» - идеализации отсталых форм деревенской жизни. Создание национальной культуры также шло по пути преобладания общинного над индивидуальным. Но разорвать сразу культурную преемственность с прошлым, создать совершенно новую культуру без опоры на традиционную невозможно. В процессе осознания революционных перемен и создания форм советской культуры национальная интеллигенция обратилась к своему историческому прошлому, мифологии, отмечает этнолог О.Вовина(12). Главным содержанием становления чувашской национальной культуры стало отражение нового бытия, новой действительности через призму народной духовной традиции, народных обрядов, что создавало у носителей культуры ощущение преемственности, связи с прошлым в восприятии настоящего.